

Генитив отрицания субъекта в русском языке и гипотеза неаккузативности

Гипотеза неаккузативности (Unaccusativity Hypothesis) впервые была введена в научный дискурс в работе (Perlmutter 1978). Согласно этой гипотезе все непереходные глаголы в языке разбиваются на классы неэргативных и неаккузативных. К первому классу относятся такие глаголы, у которых единственный аргумент на уровне Глубинной Структуры является Агенсом, у вторых же аргумент выступает Пациентом. Было показано, что эти классы различаются не только в семантическом, но и синтаксическом смысле, что прямо отражается на дистрибуции той или иной конструкции в языке.

Изначально предложенная для нидерландского языка гипотеза неаккузативности очень скоро была адаптирована для большого количества европейских языков. Д. Песетски (Pesetsky 1982) впервые указал на её применимость для русского языка, в частности, для анализа генитива отрицания субъекта (далее - GenNeg). Подобное допущение, во-первых, позволило описывать GenNeg в одних терминах с родственным ему генитивом отрицания объекта, во-вторых, объясняло появление субъекта в генитиве в пассивных предложениях.

Подавляющее большинство дальнейших синтаксических анализов GenNeg в той или иной степени опирались на гипотезу неаккузативности, однако, насколько известно нам, до сих пор не было проведено отдельного исследования того, действительно ли множество т.н. «генитивных» глаголов (термин Е.В. Падучевой (Падучева 1997/2013)) совпадает со множеством неаккузативных глаголов в русском языке. Вместе с тем известны многочисленные случаи несовпадений этих множеств и употребления GenNeg с глаголами, считающимися неэргативными, ровно как и недопустимости данной конструкции с отдельными классами неаккузативных глаголов.

В настоящем исследовании мы попытались выяснить глагольную дистрибуцию GenNeg в русском языке. В работе мы опирались на список «генитивных» глаголов, предложенный в (Падучева 1997/2013), расширенный за счет добавления единиц из «Русского семантического словаря» (Шведова 2007). Все предварительные выводы были затем проверены на материале НКРЯ и с помощью поисковых машин Yandex и Google. В понимании феномена неаккузативности мы руководствовались идеями, предложенными в (Levin & Rapoport 1995).

Нам удалось выяснить, что по крайней один класс неаккузативных глаголов – глаголы изменения состояния (Verbs of change of state) не употребляется с GenNeg, что объясняет неграмматичность следующих примеров:

1. а) * Воды в реке не замёрзло;
- б) * Цветов на лугу не распустилось;

Помимо этого, существует большое количество неэргативных глаголов, которые способны в определенном контексте присоединять аргумент в Генитиве. Подобные употребления определяются в (Падучева 1997/2013) как «форсированные» и объясняются семантикой GenNeg (пример по (Harves 2002: 58):

2. На заброшенном заводе упал и разбился Саша. Больше там не играет детей;

Подобные случаи заставляют усомниться в возможности описания класса «генитивных» глаголов в рамках гипотезы неаккузативности и говорят в пользу иной трактовки данного феномена – экзистенциальной, которая была разработана в работах Е.В. Падучевой (Падучева 1997/ 2013), а также в исследованиях под руководством Б. Парти (см., например, (Partee et al. 2012)). Так, семантический анализ примера (2) может быть сведен к следующей импликации:

2'. Больше там не играет детей → детей там нет;

Согласно этому анализу GenNeg несёт семантику отсутствия Вещи в Месте (или в Сознании говорящего). Это позволяет объяснить оба факта, противоречащие гипотезе неаккузативности. Семантика глаголов изменения состояния предполагает существование Вещи, что противоречит смыслу конструкции. Что касается форсированных употреблений GenNeg, то здесь сама конструкция меняет глагольную семантику, превращая, например, глагол целенаправленного действия в экзистенциальный в данном контексте.

Список литературы

1. Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013, 304 с.
2. Шведова Н. Ю. (общ. ред.) Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том 4. Глагол. — М.: РАН. Институт русского языка: Азбуковник, 2007. — 952 с.
3. Harves, Stephanie, 2002, “Unaccusative Syntax in Russian,” Ph.D. dissertation, Princeton University
4. Levin, Beth & Malka Rappaport Hovav. 1995. Unaccusativity. At the Syntax-Lexical Semantics Interface. Cambridge, MA: MIT Press.
5. Partee, B. H., Borschev, V., Paducheva, E. V., Testelets, Y., and Yanovich, I.. 2012. The Role of verb semantics in genitive alternations: Genitive of Negation and Genitive of Intensionality. // The Russian Verb. Oslo Studies in Language.
6. Pesetsky, D., 1982. “Paths and Categories,” Ph.D. dissertation, MIT.
7. Perlmutter, D. M., 1978. Impersonal Passives and the Unaccusative Hypothesis. Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 4.